

11. Асейнов Р.М. «Милостью божьей герцог Бургундии...»: представления о власти герцога в бургундской политической мысли // Средние Века. 2012. Вып. 73 (1-2) 2012 с. 17 – 41.
12. Рихтер С. Визуальный правовой акт: Церемония отречения Карла V как императора от Нидерландов и Священной Римской империи // Альманах Proslogion. С. 14 (Цит. по: <http://proslogion.ru/archive/issue-proslogion-14/>. (Режим доступа: открытый; дата обращения: 29.09.2017)).

Дояр Л. В.
(Киев)

Польско-литовские унии как механизм средневековой геополитики

В современном мире вопросы геополитики занимают особое место. В условиях глобализации их влияние на судьбы человечества безмерны. Между тем, не менее важными они были и во времена далекого от нас средневековья, ведь явление геополитики существовало и было влиятельным фактором задолго до появления одноименного научного термина.

Могучим механизмом средневековой геополитики в Восточной Европе, на наш взгляд, были многочисленные польско-литовские унии, являвшие собой межгосударственные объединения и военно-политические союзы тривекторной направленности: 1) против Тевтонского ордена и его агрессивных продвижений в юго-восточном направлении Европы; 2) против Московского царства, которое, опираясь на идеологию игумена Филофея «Москва – третий Рим», заявило о своей исторической миссии по собиранию русских земель; 3) против Османской империи и подвассального ей Крымского ханства, которые хозяйничали в Диком Поле и совершали грабительские набеги на шляхетские владения.

В духовном смысле, польско-литовские унии, с одной стороны, заняли круговую оборону, одновременно защищаясь от тевтонов-католиков, москвитов-православных и магометан, с другой стороны, стали средством разрешения социальных и религиозных

противоречий, как например, путем предоставления равных прав с католиками литовской православной шляхте согласно Городельской унии 1413 г.

Следует заметить, что, с точки зрения территориальных потерь, наиболее опасными для Польши и Литвы были воинственные тевтоны, которые к началу XIV века сумели закрепиться в восточном направлении: после захвата Пруссии и Ливонии они овладели Восточным Поморьем, совершили поход на Гданьск, где уничтожили тысячи христиан-поляков, и, по сути, создали свое государство со столицей Мариенбург.

Отвечая на этот геополитический вызов, западные славяне не нашли ничего лучшего, как начать теснить своих восточных соплеменников. Земли последних, к тому времени, были инкорпорированы предприимчивой Литвой, следовательно, для успешного решения своих территориальных проблем поляки взяли курс на политический симбиоз с литовцами. Одновременно, склонить Литву к вечному соединению с Польшей, по выражению С.М. Соловьева, стало «исторической задачей» и самой литовской династии» [5, с. 46-47]. Великий литовский князь Ягайло (1362-1434), как писала Н. Полонская-Василенко, оказался в угрожающем положении – он был зажат между Тевтонским орденом и Московским княжеством [8, с. 314].

Интересно, что в экстазе этого соития Литва изначально не имела статуса равноправного экспансиониста и стала местом консервации древнерусского фактора, между тем, как стратегической целью польско-литовских уний было его безжалостное уничтожение. Убедительным подтверждением трагической судьбы восточного славянства, уготовленной ему средневековыми геополитиками, являются повсеместные факты о насильственной полонизации одной из ветвей древнерусской народности – украинской. Польша, окончательно поглотившая украинские земли в 1569 г., истощала в них не только природные и человеческие ресурсы, но и искореняла дух восточнославянского единства: создав в 1596 г. униатскую церковь, поляки нанесли ему удар, геополитическое значение которого не утратило своей актуальности и поныне. Об опасности Люблинской и Брестской уний для православного положения украинского народа ныне

пишут О.Б. Неменский [6, с. 3-4], Д.Ю. Степанов [9, с. 13]. При этом последний подчеркивает, что Богдан Хмельницкий относился к унии, как к «ляшской вере», а к униатам, «как к ляхам», православие же, в его понимании, сливалось с понятием «русскости» [9, с. 13]. Патологическая двойственность исторического сознания украинского народа, его мимикрия, противоречивость и аксиологическая деформация, на наш взгляд, имеет средневековые корни.

Значительно больше, в этой связи, повезло белорусам, которые, находясь в составе Речи Посполитой, оказались под властью Литвы, где, в целом, царило толерантное отношение ко всему древнерусскому наследию и, в первую очередь, языку и вере. Поэтому, неудивительно, что в трудах историка XIX в. М.К. Любавского Великое княжество Литовское носит название Литовско-Русского государства вплоть до момента заключения Люблинской унии [4]. О длительном сохранении древнерусских традиций в средневековой Литве пишут и современные историки [2-3, 7]. В целом, это позволило сохранить целостность исторического сознания белорусского народа, его органическое единство с корневой системой восточнославянского фактора. Говоря поэтическим языком, заповедные леса Белоруссии сохранили то, что было не под силу сберечь продуваемым ветрами украинским степям. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов защитных функций украинского казачества, однако, на определенных этапах оно с удовольствием полонизировалось и даже отуречивалось. Достаточно вспомнить многочисленные факты обучения казацкой старшины (Б. Хмельницкий, И. Мазепа и др.) в иезуитских коллегиумах, знаменитую арию из оперы С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем», где герой преисполнен неподдельной радости в виду того, что он «теперь турок, а не казак». Аналогичный экстаз наблюдаем и сейчас, когда восторг от сиятельной мечты «стать европейцем» цинично перечеркивает общее восточнославянское прошлое, преисполненное далеким и совсем недавним совместным мужеством, героизмом, оглушительными боевыми и трудовыми победами.

Следует подчеркнуть, что геополитический контент, в той или иной мере, был присущ всем польско-литовским униям. К апофеозу

Люблинского договора 1569 г. поляки шли упорно более двухсот лет. Вначале, в условиях экспансии крестоносцев и угроз со стороны турок и татар они прибегли к координации своих отношений с основателем Вильнюса – князем Гедимином (1275-1341). В дальнейшем они с напряжением наблюдали за Ольгердом (1296-1377), создавшем Русско-Литовскую державу, и, как только он умер, приступили к реализации своего геополитического плана. Путем интриг и подкупа была одержана их первая победа – в 1385 г. подписана Кревская уния. За получение польской короны литовский князь Ягайло (1362-1434), без сожаления, расстался не только со своим происхождением и верой, но даже с материнским именем. Казалось, путь на Восток был открыт, но в геополитические планы Польши ожидаемо вклинился интерес отдельных представителей литовской элиты.

Отстаивая свои позиции, непримиримый враг Ягайла Витовт (1350-1430) инициировал новую конфигурацию геополитических устремлений Великой Польши. Их результатом стали Виленско-Радомская (1401 г.) и Городельская (1413 г.) унии, которые зафиксировали куда более приемлемые для Литвы условия межгосударственного союза с Польшей, а именно признание последней титула князя Великого княжества Литовского и пожизненного правления Витовта, а также права литовской шляхты принимать участие в выборах польского монарха.

После смерти Витовта очередной помехой для польских планов стал князь Свидригайло (1370-1452), который, в пику последним, заключил договор с тевтонами и создал первую в истории украино-белорусскую державу [1, с. 155, 8, с. 325-326]. Однако, удержать своих позиций Свидригайло не смог, внешнеполитический вектор Польши снова одержал верх – была подписана Гродненская (1432 г.) уния. По сравнению с предыдущими союзами, договор в Гродно стал серьезным ударом по литовской государственности. Отныне, польский король получал титул «верховного князя» Литвы, а ее территория становилась наследственным имуществом польской короны. Гродненская уния свидетельствовала о вассальной зависимости Литвы от Польши.

В дальнейшем, выходя на финишную прямую своего геополитического триумфа, Польша добилась заключения Краковско-Виленской (1499 г.) и Мельницкой (1501 г.) уний, после чего до разрушения некогда влиятельного восточнославянского фактора оставался лишь шаг. В 1569 г. он был сделан, и, с тех пор, идея возрождения древнерусского могущества превратилась в кабинетную и даже подпольную.

Как известно, в конце XVIII в. ситуация коренным образом изменилась – Речь Посполитая пережила три территориальных раздела (1772 г., 1793 г., 1795 г.) – и, как участник великой геополитики, перестала существовать почти на 150 лет.

Литература

1. Грушевський М.С. Ілюстрована історія України/ М.С. Грушевський. – Нью-Йорк: Вид-во Чарторійських, 1967. – 576 с.
2. Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.)/ А.Ю. Дворниченко. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1993. – 204 с.
3. Думин С.В. Другая Русь. Великое княжество Литовское и Русское/ С.В. Думин// История Отечества: люди, идеи, решения. – М.: Политиздат, 1991. – С. 76-125.
4. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно/ М.К. Любавский. – М.: Наука, 2004. – 312 с.
5. Матвеева Е.Ю. Взгляды С.М. Соловьева на унии Великого княжества Литовского с Польским королевством/ Е.Ю. Матвеева// Студенческая наука XXI в.: материалы IX Международной студ. науч. практ. конф. (Чебоксары, 23 апреля 2016 г.) в 2 т. – Т. 1. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. - № 2 (9). – С. 45-49.
6. Неменский О.Б. «Права народа» в православной мысли Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII в./ О.Б. Неменский// Славяноведение. – 2012. – № 4. – С. 3-11.
7. Полехов С.В. Польское королевство и Великое княжество Литовское в эпоху Городельской унии/ С.В. Полехов// Славяноведение. – 2014. – № 4. – С. 116-121.

8. Полонська-Василенко Н. Історія України У 2-х т. Т. 1 До середини XVII ст./ Н. Полонська-Василенко. – К.: Либідь, 1995. – 672 с.
9. Степанов Д.Ю. «Русское», «Малороссийское» и «Московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50-60-е гг. XVII в./ Д.Ю. Степанов// Славяноведение. – 2012. – № 4. – С. 12-21.

Курдзюк В. М.
БДУ (Мінск)

Шлюбная стратэгія Гедымінавічаў у адносінах да Цвярскаго княства ў XIV – першай трэці XV стст.

У пачатку XIV ст. тэрыторыя Паўночна-Усходняй Русі ўсё яшчэ знаходзілася ў васальнай залежнасці ад Залатой Арды. Але ў гэты час ужо вызначыліся два мацнейшыя княствы – Цвярское і Маскоўскае, кожнае з якіх жадала стаць цэнтрам аб’яднання “рускіх” зямель [1, с. 73]. Паміж Цвер’ю і Масквой ішла барацьба за вярхоўную ўладу ў Паўночна-Усходняй Русі, якая была непасрэдна звязана з валоданнем ярлыка на ўладзімірскае княжанне.

Ужо ў 1317 г. перавагу ў барацьбе за вялікае княжанне атрымала Масква, паколькі хан вырашыў даць ярлык князю Юрыю Данілавічу. Слабейшаму на той час Цвярскому княству патрабаваўся моцны саюзнік у барацьбе з Маскоўскім княствам за землі Паўночна-Усходняй Русі. І на гэтую ролю вельмі добра падыходзіла Вялікае Княства Літоўскае. У сваю чаргу, Літва, як і Масква, жадала пашырыць свой уплыў на Пскоўскія і Наўгародскія землі. Таму вялікі князь літоўскі Гедымін (1316–1341 гг.) таксама быў зацікаўлены ў падтрымцы Цверы. У выніку, паміж прадстаўнікамі кіруючых дынастый абедзвюх дзяржаў быў заключаны шлюб, які паклаў пачатак саюзных адносін ВКЛ з Цвер’ю. І гэты стратэгічны саюз праіснаваў даволі доўгі час – больш за 100 год [1, с. 73].

Мэтай дадзенай працы з’яўляецца аналіз дынастычных сувязяў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Цвярскім княствам і іх уплыву на палітыку вялікіх князёў літоўскіх па “збіранні” зямель Русі.

Зімой 1319–1320 гг. быў заключаны шлюб Марыі Гедымінаўны з цвярскім князем Дзмітрыем Міхайлавічам Грозныя Вочы, бацьку якога ў